

УДК 930.85(908)

Панин А.С.¹

**КОЛДУН ДЕМИД:
РУССКИЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ В КОНТЕКСТЕ
ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ**

Уральский институт бизнеса

Panin A.S.

**WITCH DEMID:
RUSSIAN ENTREPRENEUR IN THE CONTEXT OF
TRADITIONAL CULTURE**

Ural institute of business

Аннотация. Автор анализирует сохранившиеся в записи рассказы тульских оружейников позволяющие рассматривать Никиту Демидова как «фольклорного героя». Традиционные представления «тульских оружейников и мещан» говорят о проявлениях «массового сознания», дают возможность лучше понять особенности русской народной культуры, помогают полнее представить культурный контекст, в котором приходилось действовать русским предпринимателям петровской эпохи.

Ключевые слова: русский предприниматель, тульские оружейники, фольклорный герой, массовое сознание, традиционная культура, погребальные практики.

Abstract. The author analyzes the stories of the Tula armourers, which are preserved in the record, allowing to consider Nikita Demidov as a «folklore hero». Traditional representations of «Tula gunsmiths and townspeople» talk about the manifestations of «mass consciousness», provide an opportunity to better understand the characteristics of Russian folk culture, help to better imagine the cultural context in which Russian entrepreneurs operated of the era Peter I.

Key words: Russian businessman, Tula gunsmiths, folk hero, mass consciousness, traditional culture, funeral practices.

¹ Панин Алексей Станиславович — канд. ист. наук, доцент Уральского ин-та бизнеса, г. Челябинск (УрИБ).

Никита Демидович Антюфеев (или Антуфьев) (1656—1725), русский промышленник и предприниматель, основатель славной династии Демидовых, родился и провёл первую часть жизни в городе оружейников Туле. Хотя биография этого выдающегося тульского кузнеца достаточно известна, подробности его стремительного взлёта по большей части находятся в области легенд и преданий, «сбивчивых и запутанных». «Поворотным моментом в судьбе Никиты Антюфеева стала встреча в Туле с Петром I, который по достоинству оценил мастерство и деловые качества тулянина. И хотя история их знакомства овеяна легендами, именно она положила начало кипучей деятельности Никиты Антюфеева сначала в Туле, а затем и на Урале...» [2, с. 7].

Предания и легенды как неотъемлемая часть городского фольклора в частности и традиционной культуры в целом немало добавляют к пониманию эпохи петровских преобразований. Что не менее интересно сохранившиеся в записи «рассказы тульских оружейников и мещан» позволяют понять и то как воспринимались предприимчивые люди в той среде, которая сохраняла традиционные представления, по меньшей мере, до середины XX века¹.

«...История, сохраняя для потомства громкие подвиги героев и деяния мужей ознаменовавших себя резкими чертами на каком-либо политическом поприще, к сожалению, редко вспоминает о заслугах мирных граждан скромно подвизавшихся для пользы общей. И бытописатель, желающий деяния их вывести из забвения, по необходимости должен иногда прибегать или к преданиям сбивчивым и запутанным, или к тощим и бесплодным рукописям старины» [7, с. 1, 2].

Встреча Петра I с Никитой Антюфеевым в Туле позволила последнему получить и новую фамилию, и уральские казённые заводы. Однако подробности встречи сохранились преимущественно в фольклоре. Если мы говорим об отразившейся в преданиях петровской эпохе, то весьма характерным кажется один из наиболее ранних (по времени публикации) рассказов приведенных российским учёным и писателем Иосифом Гамелем (1788—1862) в своей книге, изданной в 1826 году [1]. Это история с алебардами, которые пожелал заказать российский самодержец по дороге через Тулу в Воронеж. Лучше и быстрее всех исполнил монаршую волю Никита Антюфеев, но что показательно — оказавшийся на высоте тульский кузнец явно не знает чего ему ждать от царя-батюшки. поэто-

¹ К примеру во второй половине XX века на границе Калужской, Орловской и Тульской областей в «больших старинных русских сёлах» всё ещё сохраняется традиционный обряд Крещения (и похорон) кукушки как «обычай гуляний» в период «перехода от весны к лету». В 1972 году записи об этом «прежнем обычае» делает московский фольклорист В. Щуров. См.: Панин А.С. Вера простецов: очерки по истории «народной религии» в XX веке. Тула: Папирус, 2012.

му когда Пётр I, шутя, предлагает зачислить статного Никиту в лейб-гвардию, оружейник воспринимает это как реальную угрозу рекрутчины — и пугается не на шутку.

Биографы Демидова снова и снова обращаются к этой полусказочной истории. «Полулегенда ли, реальный ли факт, но рассказывают, что когда первый раз в Туле царь Пётр увидел уже немолодого Никиту (а было Демидову тогда лет сорок), то поражённый его статью, силой и ростом, воскликнул: «Вот молодец! Годится в Преображенский полк, в гренадеры!» [8, с. 15].

Все подобные баснословные рассказы достаточно подробно приводит в своей работе ещё русский писатель В.В. Огарков (1856—1918) [6, с. 14—16]. Наиболее известный рассказ о встрече Никиты Демидова и Петра Великого приводится в его книге в двух версиях — одной более правдоподобной и другой более живописной — в обоих царю, случившемуся в Туле проездом, Никита не только смог исправить дорожный пистолет работы немецкого мастера Кухенрейтера но и сделал другой по тому же образцу, «нисколько не уступавший оригиналу».

«Через сие-то отличное искусство в производстве своего ремесла, равно и через другие похвальные качества, Никита Демидович и сын его Акинфий Никитич сделались известными Петру Великому и снискали благоволение сего монарха, упрочившее состояние их и побудившие сих предприимчивых людей к дальнейшим подвигам на пользу отечества...» [7, с. 4].

История с дорожным пистолетом, без искажений сохранившая во всех версиях иноземное имя оружейника Кухенрейтера, по всей видимости, принадлежит к жанру исторических анекдотов, уже в XVIII столетии ставших в России разновидностью литературы. Во всяком случае, тульский историк И.Ф. Афремов (1794—1866) ещё раньше Огаркова передаёт «живописный» вариант легенды, где также фигурирует «именитый» дорожный пистолет а «описанию встречи с царём предшествует вводный эпизод с участием П.П. Шафирова» [10, с. 30]. Так или иначе «документов, которые хоть что-то рассказывали бы о первой половине жизни Антюфеева Никиты... огорчительно мало...» [10, с. 23].

Место документов занимают предания и легенды. «Все предания «о начале» Демидова являются вымышленными... народ... питался домыслами и «перерабатывал факты истории» в соответствии со своим мировоззрением» [4, с. 108].

Уже на Урале, в Невьянке, рассказывали, как проезжая через Тулу Пётр I отдал в починку Никите Демидову заморский пистолет, «у которого он сломал курок». «Близкий

к этому вариант записан в Висиме...» [4, с. 109]. Предания уральских рабочих представляют немалый интерес — как и другие им подобные.

Оставаясь и сбивчивыми и запутанными подобные предания и легенды тем не менее имеют историческую ценность — «вымысел содержащийся почти в каждом предании свидетельствует не столько о забвении народом того или иного исторического факта сколько о стремлении передать его в соответствующей идейно-художественной интерпретации, отвечающей внутренним побуждениям... трудящихся» [4, с. 196].

То же кажется верным в отношении рассказов рабочих тульских. Во всех случаях устное народное творчество, менее внимательное к именам и частным подробностям, стремится к максимально доступному изложению самой сути дела. «Поворотный момент» в судьбе Никиты Антюфеева здесь порою объясняется довольно просто — сделкой с нечистой силой.

Вот как рассказывали тульские оружейники и мещане о своём предприимчивом земляке, который непостижимым для простого человека образом добился «благоволения монарха» и что ещё более существенно сумел «упрочить состояние».

«Жил-был в Туле один мещанин, по имени Демид. Он часто любил охотиться за птицами. Но сначала он терпел одни только неудачи. Вот однажды, когда он горько жаловался на свою судьбу, ему является в поле один старый-престарый человек и говорит: «Демид, чего ты так запечалился, загорюнился, не печалься на свою судьбину! Исполни то, что я тебе предложу, — отдай мне свою душу, и у тебя будет много богатства и во всём успех». Демид послушался и отдал ему свою душу. С этих пор у него завязалась самая крепкая дружба — любовь с нечистой силой, которая научила его многим чародействам и волшебствам, навозила ему так много золота, что целый двор был засыпан и полон этим добром...» (Колдун Демид..., с. 289).

Многие тульские оружейники и мещане занимались птичьей охотой, однако в данной истории речь идёт вероятнее всего именно о Никите Антюфееве, называвшемся Петром Великим не иначе как Демидыч, в истории оставшемся Демидовым, а в народной памяти — Демидом.

«Нет сомнения, что в рабочей среде предание говорит не о реальном, историческом Демидове, а о фольклорном герое...» [4, с. 110]. Однако, как уже говорилось, это не лишает предания исторической значимости и позволяет увидеть за художественной формой реальные факты.

«Никита Демидов владел участком, а скорее всего несколькими, в Оружейной слободе Тулы, в приходе Николо-Зарецкой церкви, на берегу Реки Упы...» [9, с. 46]. В приведённом народном рассказе «о волшебнике» как раз фигурирует «Никольская церковь (около Демид[овской] улицы)», построенная Демидом «при конце жизни». Якобы колдун хотел выстроить золотую церковь, если Бог простит ему грехи. «Но Бог не простил его, и ему не пришлось выстроить золотую церковь...» (Колдун Демид., с. 290).

Известно, что находящаяся в Оружейной (или Кузнецкой) слободе тульского Заречья Николо-Зарецкая (Демидовская) церковь была построена по инициативе и на средства сына Никиты Демидова — Акинфия Никитича Демидова (1678—1745). Датой завершения строительных и отделочных работ условно можно считать 25 июня 1735 года, когда был освящён престол (Христорожественский) на верхнем этаже нового здания. Стоящая и поныне «около Демидовской улицы» церковь заменила собой два деревянных храма-предшественника с посвящением основных их престолов Николаю Чудотворцу и Рождеству Христову, самое раннее известное упоминание о которых относится к 1625 году [11, с. 297].

Возможно, что сам Никита Демидов, который как в начале, так и в конце жизни жил в Кузнецкой слободе построил (или перестроил) один (или оба) деревянных храма. Во всяком случае, по утверждению Ивана Фёдоровича Афремова, рядом с деревянной Никольской церковью, на семейном участке, Демидов и был похоронен. Позже его сын Акинфий поставил над погребением отца «чугунный саркофаг фигурой (то есть в форме...) гробницы» в 3 аршина длины и весом около 60 пудов (2,13 см и приблизительно 980 кг) с эпитафией «на чугунной крышке оного» [11, с. 302].

Тульские оружейники и мещане полагали, что именно в чугунном гробу был погребён «колдун Демид», — однако его погребение не могло быть осуществлено в обычной могиле поблизости приходской церкви. После того как колдун умер и его положили «в большой чугунный гроб» последний подвесили «на цепях в огромной подземной пещере» под выстроенной Демидом Никольскою церковью. «Этот гроб висит там и досель. После смерти его некоторые будто-бы отыскивали подземный ход от его дома в том месте, где теперь находится Демидовская улица, хотели было туда проникнуть, но никак не могли: дул до того сильный и пронзительный ветер, что даже невозможно было стоять на ногах. Пытались также пройти туда с крёстным ходом; но и тут тоже неудача, явилось много духов, которые совсем не допустили до этой пещеры и строго охраняли доступ в это таинственное, чудесное место» (Колдун Демид., с. 290).

Соблазнительно и в этом эпизоде видеть некие преобразённые народной памятью исторические реалии — действительно, почему бы шестидесятипудовому чугунному саркофагу «фигурою гробницы» и не парить в воздухе, наподобие гроба пророка Магомета, тем более что у Демидовых были технические возможности устраивать подобные трюки. «Миллер видел у А.Н. Демидова магнит весом в 13 фунтов, который держал прицепленную к оному пушку весом в один пуд. В одной из церквей Нижнетагильского завода... престолы в двух алтарях, сделаны из огромных кубических магнитов, коим равных по величине, может быть нет в целом свете. Один из сих магнитов вышиною в 7 четвертей и в 5 толщиной во все стороны; другой вышиною в 5 четвертей, длиною в 3 четверти» [7, с. 37, 38]. Однако вес упомянутой демидовской «гробницы» представляется всё-таки несколько чрезмерным даже для магнита «вышиною в 7 четвертей и в 5 толщиной во все стороны» (правда известные параметры саркофага относятся все же к надгробному памятнику). Подвешивание же гроба на цепях, хотя, в принципе, и кажется возможным, противоречит погребальной практике, кактульских оружейников, так и русской традиционной культуре в целом.

Предания и легенды русской традиционной культуры действительно могли отражать и частные подробности своего времени, и дух исторической эпохи. Они могут выступать как исторический источник. «То, что сейчас рассказывают, некогда делали, изображали, а чего не делали, представляли себе...» [5, с. 309]. Говорить о колдовстве и искать аналоги в волшебных сказках невольно заставляла и заставляет сама стремительность взлёта Никиты Демидова. Непосредственный виновник возвышения тульского оружейника, Пётр Великий, не просто обнаружил в последнем «отличное искусство в производстве своего ремесла», он мог увидеть в Туле «похожее на сказку превращение мукомольной мельницы в металлургическую мануфактуру», после чего и пожелал «волшебнику «распространить» его чудесное умение...» [10, с. 37]. Однако для наших современников слово «волшебник» в применении к Никите Демидову не более чем метафора, но если подобное сравнение приходило на ум современникам самого Никиты, то значило оно нечто вполне конкретное.

В прежние времена в колдунов на Руси верили повсеместно. Вслед за русскими переселенцами вера в подобных «волшебников» перемещается на Урал, где у Демидовых были заводы. Например, в конце XVIII века приходские батюшки в ответах на запросы Челябинского духовного правления нередко упоминают и колдунов — правда, как будто несколько путаясь в подробностях всех возможных в народе «суеверий». «В приходе нашем никаких... суеверий яко то ложных чудес, неосвидетельствованных мощей, босых бродяг также кликуш с колдунами никаких кроме колеблющихся и противящихся святой

церкви развратников не имеется, а состоит всё благополучно...» (ОГАЧО. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 974. Л. 86). «За сей 1798 год в минувшей первой половине в приходе нашем никаких притворноюродов бродяг и кликуш с колдунами не имеется...» (ОГАЧО. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 1277. Л. 1).

«Русские пришли на Урал, начали пахать, сеять, строить заводы, строить шахты, и сразу же появились, словно воскресли, предания и легенды с мифологическим истолкованием событий, с ясно различимыми следами язычества...» [4, с. 4].

Однако подобные предания и легенды существовали не только на Урале, мифологическое сознание «с явными следами язычества» встречалось и встречается в разных краях и регионах России. «Искажение исторических фактов в преданиях не лишает их исторической ценности... проигрывая в одном отношении он выигрывают в другом: изображают факты обобщённо, и поэтому дают возможность проследить за особым развитием народных социальных и исторических воззрений» [4, с. 196].

Даже волшебная сказка обладает «историческими корнями», тем не менее, все подобные народные предания, мифы и легенды имеют собственную внутреннюю логику. Кажется важным, что в подобных образчиках народного творчества отражены характерные черты «народных воззрений», что «продукт непрекращающейся работы массового сознания» больше чем о самих Демидовых может рассказать «о тех, кто хранил и украшал эти предания» [10, с. 7].

Таким образом, можно сделать вывод, что традиционные представления «тульских оружейников и мещан» дают возможность лучше понять особенности народной культуры, позволяют полнее представить культурный контекст, в котором приходилось действовать русским предпринимателям петровской эпохи — и в какой-то мере помогают осознать, с чем приходилось сталкиваться всем выходцам из народной среды.

Важной частью народных воззрений являются представления о смерти и посмертии. В традиционном массовом сознании сделка с нечистой силой обязательно означала богатство, но внезапное богатство также подразумевало, что богач «отдал свою душу» Нечистому. В свою очередь эта деловая сделка делала колдуном. Колдовство могло никак не проявляться, не обнаруживаться ни в каких злых делах, напротив «колдун Демид» тульских преданий «был так щедр и милостив, что всех и каждого наделял золотом» (Колдун Демид., с. 290). Но ни щедрость, ни милосердие, ни даже строительство божьих храмов ничего не меняло — Демид был колдуном, а значит, земля его не могла принять. Традиционное представление о «чистых» и «нечистых» покойниках сохраняется в Тульской губернии, по меньшей мере, до середины XIX века, остаётся неизменным традици-

онное понимание особенностей смерти колдуна. «Земля колдунов по смерти их не принимает, а потому по ночам они выходят из могил и бродят в саванах своих по кладбищу. Ходят также и домой...» (Тульские губернские ведомости..., с. 258).

Сегодня в Туле сохраняется родовая усыпальница Демидовых в Николо-Зарецкой церкви. Она действительно расположена в «подземной пещере», в склепе — правда, изначально не под самим храмом, а под стоящей рядом часовней. «Это — единственное сохранившееся внутрицерковное захоронение ряда представителей первых поколений Демидовых, длительное время проживавших в Туле» [3, с. 102].

Однако место захоронения самого Никиты Демидова было утеряно ещё в XIX веке. Комплекс родовой Демидовской усыпальницы (склеп и часовня) за время своего существования неоднократно видоизменялся, демонтировался и ремонтировался. «Вопрос о местоположении могилы Демидова на сегодняшний день однозначного решения не имеет...» [11, с. 306].

Погребение Никиты Демидова по сию пору остаётся неизвестным - возможно действительно «много духов» охраняют доступ к могиле одного из первых российских предпринимателей, в это «таинственное, чудесное место». Упомянувшееся отыскание путей к такому «чудесному месту» могло быть связано с попытками получить силу «колдуна», «мы знаем, что весь обряд инициации испытывался как побывка в стране смерти» [5, с. 309]. Таким образом, традиционные представления тульских оружейников, позволяют и лучше понять, почему в нашей стране до сих пор так мало предпринимателей сопоставимых по масштабу с Никитой Демидовым, — «искусных в производстве своего ремесла» и равно готовых «к подвигам на пользу отечества».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Колдун Демид. Рассказ тульских оружейников и мещан о волшебнике // Некоторые обычаи, поверья, песни и образцы народной речи Тульской губернии. Записал В.И. Благовещенский // Русский филологический вестник. Учёный журнал. Т. 3. Варшава, 1880.
2. Областной государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. И-33. Оп. 1. Д. 974, 1277.
3. Тульские губернские ведомости [Отделвторой. Часть неофициальная]. 1861. № 42.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гамель И. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении: с планами и изображениями оружия и машин на 42 л. М., 1826.

2. Демидова Н.Г. Род Демидовых: прошлое и настоящее // Альманах Международного Демидовского Фонда. [Вып. 1]. М., 2001.
3. Кузьмина И.А. Музею «Некрополь Демидовых» в Туле — 5 лет: проблемы и перспективы // Альманах Международного Демидовского Фонда. Вып. 2. М., 2003.
4. Лазарев А.И. Предания рабочих Урала как художественное явление. Челябинск, 1970.
5. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2005.
6. Огарков В.В. Демидовы. Их жизнь и деятельность: биографический очерк. СПб., 1891.
7. Спасский А.Г. Жизнеописание Акинфия Никитича Демидова, основателя многих горных заводов, составленное из актов, сохранившихся у его наследников и из других сведений. СПб., 1877.
8. Шакинко И.М. Демидовы. Историческое повествование с портретами. Екатеринбург, 2000.
9. Юркин И.Н. Демидовы в Туле; Из истории становления и развития промышленной династии. М., Тула, 1998.
10. Юркин И.Н. Демидовы: столетие побед. М., 2012.
11. Юркин И.Н. Некрополь Николо-Зарецкой (Демидовской) церкви в Туле по документам и личным воспоминаниям // Тени старинного кладбища — Тульские некрополи. Тула, 2015.

REFERENCES

1. Gamel' I. Opisanie Tul'skogo oruzhejnogo zavoda v istoricheskom i tehniche-skom otnoshenii: s planami i izobrazhenijami oruzhija i mashin na 42 l. М., 1826.
2. Demidova N.G. Rod Demidovyh: proshloe i nastojashhee // Al'manah Mezhdunarodnogo Demidovskogo Fonda. [Vyp. 1]. М., 2001.
3. Kuz'mina I.A. Muzeju «Nekropol' Demidovyh» v Tule — 5 let: problemy i perspektivy // Al'manah Mezhdunarodnogo Demidovskogo Fonda. Vyp. 2. М., 2003.
4. Lazarev A.I. Predanija rabochih Urala kak hudozhestvennoe javlenie. CHeljabinsk, 1970.
5. Propp V.JA. Istoricheskie korni volshebnoj skazki. М., 2005.
6. Ogarkov V.V. Demidovy. Ih zhizn' i dejatel'nost': biograficheskij ocherk. SPb., 1891.

7. Spasskij A.G. ZHizneopisanie Akinfija Nikiticha Demidova, osnovatelja mnogih gornyh zavodov, sostavlennoe iz aktov, sohranivshihsja u ego naslednikov i iz drugih svedenij. SPb., 1877.

8. SHakinko I.M. Demidovy. Istoricheskoe povestvovanie s portretami. Ekaterinburg, 2000.

9. JURkin I.N. Demidovy v Tule; Iz istorii stanovlenija i razvitija promyshlen-noj dinastii. M., Tula, 1998.

10. JURkin I.N. Demidovy: stoletie pobed. M., 2012.

11. JURkin I.N. Nekropol' Nikolo-Zareckoj (Demidovskoj) cerkvi v Tule po dokumentam i lichnym vospominanijam // Teni starinnogo kladbishha — Tul'skie nekropoli. Tula, 2015.

Рецензент:

Антипин Н.А., канд. ист. наук, зам. директора ОГАЧО, доцент Южно-Уральского государственного ун-та, г. Челябинск (ЮУрГУ).